

www.volsu.ru

ИСТОРИЯ ЕВРОПЫ

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2025.3.1>

UDC 94(3)
LBC 63.3(0)323.44

Submitted: 21.11.2023
Accepted: 01.04.2024

DODONA IN THE ERA OF ROMAN CONQUESTS (1st c. BC – 1st c. AD)

Sarkis S. Kazarov

Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russian Federation

Abstract. *Introduction.* The ancient Greeks were very receptive to various kinds of predictions, as a result of which various oracles enjoyed great authority. One of them was the Dodona Oracle, located on the northernmost border of Greece in a mountainous region called Epirus. *Methods and materials.* The article is based on various types of historical sources – narrative, epigraphic, and archaeological data – which predetermined the methods and principles of the study. This is, first of all, a comparative historical method, with the help of which, by comparing various historical sources, the most important of them are identified. The author also used the principle of trust in the historical source. *Analysis.* Originating in the Late Bronze Age, the Dodona Oracle reached its peak in the 5th – 4th centuries BC. Some changes in the position of the Dodona sanctuary occurred during the era of the Roman conquests. The territory of Epirus was first devastated by the Roman army under Aemilius Paulus in 168/167 BC, and then Dodona itself was sacked by the Thracians in 88 BC. All this gave rise to the opinion that after these devastations, Dodona's activities were completely stopped. This conclusion was indirectly supported by the silence of narrative sources. However, some epigraphic sources, as well as some monuments of material culture in general, made it possible to reconsider the prevailing opinion. Very indicative in this regard are fragments of the monument to the wife of Emperor Octavian Augustus, Livia, on the basis of which parts of the dedicatory inscription have been preserved. Fragments of this inscription mentioning the Molossian Agonothetes and the Epirotic League are supplemented by a number of similar inscriptions, the texts of which are only partially preserved. *Results.* All this allowed for a reevaluation of the prevailing opinion among historians and introduced the idea that, during the time of the first princeps, Dodona continued to operate, albeit with a slight shift in its activities, transforming from an oracle into a venue for various holidays and festivals.

Key words: Dodona, oracle, Hellenism, temenos, Roman domination, agonothetes.

Citation. Kazarov S.S. Dodona in the Era of Roman Conquests (1st c. BC – 1st c. AD). *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Iстория. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], 2025, vol. 30, no. 3, pp. 6-11. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2025.3.1>

УДК 94(3)
ББК 63.3(0)323.44

Дата поступления статьи: 21.11.2023
Дата принятия статьи: 01.04.2024

ДОДОНА В ЭПОХУ РИМСКИХ ЗАВОЕВАНИЙ (I в. до н. э. – I в. н. э.)

Саркис Суренович Казаров

Южный федеральный университет, г. Ростов-на-Дону, Российская Федерация

© Казаров С.С., 2025

Аннотация. *Введение.* Древние греки были весьма восприимчивы к разного рода предсказаниям, вследствие чего большим авторитетом у них пользовались различные оракулы. Одним из таковых был Додонский оракул, находившийся на самой северной границе Греции в горной области под названием Эпир. *Методы*

и материалы. Статья написана на основании разнообразных видов исторических источников – нарративных, эпиграфических, данных археологии, что предопределило методы и принципы исследования. Это, прежде всего, сравнительно-исторический метод, с помощью которого путем сравнения различных исторических источников выделять наиболее важные из них. Автор использовал также принцип доверия к историческому источнику. *Анализ.* Возникнув в эпоху позднего бронзового века, он достиг своего расцвета к V–IV вв. до н.э. Некоторые изменения в положении Додонского святилища произошли в эпоху римских завоеваний. Сначала территория Эпира подверглась опустошению римской армией под командованием Эмилия Павла в 168/167 гг. до н.э., а затем сама Додона была разграблена фракийцами в 88 г. до н.э. Все это породило мнение о том, что после всех опустошений деятельность Додоны была полностью прекращена. Данный вывод косвенно подкреплялся молчанием нарративных источников. Однако некоторые эпиграфические источники, а также памятники материальной культуры в целом позволили пересмотреть бытующее среди историков мнение. Весьма показательны в этом отношении фрагменты памятника супруге императора Октавиана Августа Ливии, на основании которого сохранилась часть посвятительной надписи. Фрагменты этой надписи с упоминанием молосских агонофетов и Эпиротского союза дополняются рядом подобных надписей, тексты которых сохранились лишь частично. *Результаты.* Все высказанное дает возможность предположить, что во времена первого принципата Додона продолжала функционировать, лишь немного поменяв характер своей деятельности, превратившись из оракула в место проведения различных праздников и фестивалей.

Ключевые слова: Додона, оракул, эллинизм, теменос, римское господство, агонофет.

Цитирование. Казаров С. С. Додона в эпоху римских завоеваний (I в. до н. э. – I в. н. э.) // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. – 2025. – Т. 30, № 3. – С. 6–11. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2025.3.1>

Введение. Древние греки, будучи по натуре людьми суеверными, безоговорочно верили различным приметам и предсказаниям, вследствие чего имеющиеся в стране оракулы, а также находившиеся при них прорицатели [11, р. 24] пользовались большим влиянием и уважением [6, р. 7; 9, р. 9]. Как известно, Додонский оракул, располагавшийся на самой северной окраине греческого мира, в горной области под названием Эпир, заслужил славу одного из древнейших и авторитетнейших оракулов Древней Греции. Общий контур его развития представляется в следующем виде. Возникнувший в эпоху поздней бронзы [12, р. 13], оракул постепенно приобрел большой авторитет и популярность [15, р. 131], достигнув своего расцвета в V–IV вв. до н.э. В этот период святилище стало не только религиозным, но и политическим и социальным центром Эпиротского союза, свидетельством чего могут служить обнаруженные на территории теменоса различные декреты и постановления [7, р. 234–235; 18, р. 180]. Длительное время священная территория Додоны, так называемый теменос, не имела никаких культовых сооружений, и лишь в период эллинизма здесь возникли первые строения, возведение которых связывают с деятельностью царя Пирра [6, р. 15]. *Locus communis* («общим местом») у большинства современных

исследователей истории Додоны является мнение о том, что разграбление Эпира римским полководцем Эмилием Павлом в 168/167 гг. до н.э. (Plut. Aem. 29.2-5), а затем и опустошение Додоны фракийцами в 88 г. до н.э. (Diod. 311.101.2) привели к полному упадку святилища, из которого оно уже никогда не смогло выйти [3; 8; 13; 14]. Действительно ли Додона после означенных событий полностью утратила свой авторитет или же сохранилась преемственность в ее деятельности в I в. и ни о каком упадке святилища нельзя вести речь, – вот те вопросы, ответы на которые мы постараемся дать в настоящей работе.

Методы и материалы. Статья написана на основании разнообразных видов исторических источников – нарративных, эпиграфических, данных археологии, что предопределило методы и принципы исследования. Это, прежде всего, сравнительно-исторический метод, с помощью которого путем сравнения различных исторических источников выделены наиболее важные из них. Автор использовал также принцип доверия к историческому источнику, который позволяет, не отказываясь от критического анализа, в той или иной мере использовать все имеющиеся в нашем распоряжении исторические источники.

Анализ. Прежде чем принять ту или иную точку зрения об упадке или преемственности

в развитии святилища в Додоне, необходимо обратиться к источникам. Из нарративных источников, прежде всего, выделим труд географа и историка Страбона (рубеж I в. до н.э. – I в. н.э.), который сообщает о том, что большая часть Эпира после разгрома его римлянами представляла собой обезлюдевшие селения и развалины, а Додонский оракул, как и остальные оракулы региона, прекратил свои вещания (Strab. VII.7.9). Однако помимо Страбона никакие иные литературные данные этот факт не подтверждают. Более того, Страбон особо упоминает только о прекращении вещания самим оракулом (*τὸ μαντεῖον*), но никак не фиксирует завершение всякой иной деятельности святилища.

Римские авторы, жившие на рубеже I в. до н.э. – I в. н.э. (Тит Ливий, Вергилий, Дионисий Галикарнасский, Корнелий Непот и др.) упоминают Додону, но исключительно в историческом контексте в связи с вышеуказанными событиями, при этом ни словом не обмолвившись о ее современном состоянии. В их трудах в том числе не содержится ни малейших упоминаний о каких-либо связях Додоны с Римом в рассматриваемый период. Весьма двусмысленным является пассаж Дионисия Галикарнасского, в котором отмечается знатный римлянин по имени Луций Маллий, лично посетивший Додону и видевший на священной территории треножник с начертанными на нем древними письменами (Dion Hall. I.19.3). Но, во-первых, к сожалению, нам остается непонятным время посещения Додоны Маллием. Во-вторых, нам также ничего неизвестно и о личности самого посетителя. Одним словом, имеющиеся в нашем распоряжении литературные свидетельства не помогают в определении статуса святилища Додоны и ее отношений с римлянами на рубеже веков. Но тем не менее благодаря греческим и римским авторам Додона олицетворяла некое символическое, по словам французского историка Пьера Нора, «место памяти» (*«lieux de mémoire»*) не только для греков, но и для римлян [16].

Несколько иную картину общественной и культурной жизни Додоны позволяют представить данные археологии. Но и здесь не все так однозначно. Греческий археолог Д. Эвангелидес, проводивший с середины XX в. рас-

копки на территории Додоны, идентифицировал как римские весьма немногочисленные артефакты. В их числе он называет пару могильников, обнаруженных возле и внутри христианской базилики, которые, однако, не поддаются точной датировке [10]. Так же весьма незначительно и количество вотивов, относящихся к I в. до н.э. – I в. н.э.

Одной из известнейших достопримечательностей Додоны является театр, который со временем изменил свои функции. Если в эпоху классики главным его предназначением являлась постановка театральных представлений, что отражало греческие традиции, то в римскую эпоху функции театра в Додоне претерпели изменения. Театр, изначально предназначенный для драматических постановок, в какой-то момент превратился в культурное пространство, более тесно связанное с римской культурной традицией. По своей значимости и монументальности он превосходил даже архитектурный комплекс самого святилища, более того, Додонский театр, сооруженный во времена Пирра [6, р. 31], считался одним из самых величественных в Древней Греции [5, р. 59]. Помимо приятия чисто римских традиций типично греческому строению и, следовательно, указанному месту, также практически подтверждает мысль, что это конкретное пространство предназначалось для использования его не только греками, но и римлянами (или «латинизированными» людьми), либо живущими поблизости, либо посещающими место. И, конечно, театр в Додоне служил никак не для нескольких случайных посетителей этого региона. Увеличение размеров театра может указывать на посещение его значительным количеством присутствующей публики. В свете недавних исследований, отмечающих трансформацию греческих театров в римские цирки, происходившую со II по IV в. [2, р. 336–338], подобный факт имел место и в Додоне примерно в тот же самый период. Но нельзя не признать, что твердых оснований для подобного предположения у нас, конечно, недостаточно.

С другой стороны, весьма примечательно появление в качестве официальных должностных лиц агонофетов (*ἀγωνοθέτης*). Если в более ранний период, в V–III вв. до н.э.,

в качестве официальных должностных лиц эпиграфические источники упоминают простатов и грамматиков, то теперь упоминания о них исчезают. Упоминаемые в надписях агонофеты – это, судя по этимологии слова, устроители соревнований, будь то состязания спортивные, музыкальные или какие-либо иные. Появление их в качестве официальных должностных лиц, скорее всего, свидетельствовало о том, что основным направлением деятельности руководителей Додоны стало устройство агонов – того или иного вида состязаний.

Как известно, с определенного времени в Додоне стали проводиться состязания, посвященные местному культу Зевса с эпиклездой Naoi [4, р. 333]. Исследование самих состязаний выходит за пределы этой статьи, поэтому ограничимся лишь констатацией данного факта. И с большой долей вероятности можно предположить, что в должностные обязанности упоминаемых агонофетов как раз входила организация таких игр.

К эпохе Августа определенно относится статуя, посвященная его супруге Ливии [1, р. 200; 4, р. 337]. На сегодняшний день этому посвящению в исторической литературе уделялось скромное внимание, возможно, потому, что она сама не сохранилась. Ее основание было обнаружено внутри теменоса недалеко от так называемого храма Зевса. Большой интерес для нас представляют фрагменты частично сохранившейся надписи, в которой упоминается агонофет молоссов, представляющий койнон некоего народа, название которого, к сожалению, не сохранилось, затем следует имя Ливии и далее имя Цезаря ($\alpha\gammaωνοθετο[\cdot\cdot\cdot] \dots τοῦ Μολοσσοῦ τὸ κοινὸν τῶν \dots Λιβίαν τὴν Καίσαρος Σε[βαστοῦ]$). Основанием для датировки надписи как раз и может служить титул $\Sigmaεβαστός$, который идентичен латинскому *Augustus*, что позволяет датировать надпись временными рамками с 27 г. до н.э. по 14 г. н.э. Возможно, на основании из известняка стояла статуя Ливии в натуральную величину. Хотя от статуи ничего не сохранилось, не исключено, что в качестве материала использовалась бронза, что подтверждается значительным количеством бронзовых статуй, обнаруженных в Додоне и относящихся к периоду эллинизма. По всей

вероятности, возведение статуи императора или членов его семьи свидетельствовало о возникновении здесь императорского культа. Существует предположение, что разрешение на установку статуи Ливии должно было исходить от религиозного совета святилища [18, р. 187]. Более того, единичные статуи Ливии весьма редки; супруга первого принцепса чаще появляется в составе династической группы в натуральную величину, в большинстве случаев с посвятительной надписью на основании. Возможно, что и указанная статуя Ливии в Додоне являлась частью некой династической групповой композиции императорской семьи, тем более что на этот счет существует исторический аналог – групповая композиция, состоящая из статуй Октавиана, Агрrippы и Ливии, которую обнаружили на территории театра в близлежащем городке Бутринте, а точнее мраморные фрагменты шеи и головы. Возможно, что династическая группа в Бутринте была установлена в память о победе Августа у мыса Акций в 31 г. до н.э. и имела целью напомнить о давних мифологических связях между Римом и Бутрингом, ибо оба эти города якобы были основаны троянцами [19]. Но в нашем случае подобное предположение едва ли продуктивно, ибо к основанию Додоны ни Эней, ни троянцы не имели никакого отношения. Если сооружение статуи свидетельствовало о наличии какой-либо формы имперского культа, то основная функция святилища как места поклонения, которая выполнялась ранее, сохранилась и в период Августа.

Не менее сложен и интересен вопрос о самих жертвователях, то есть тех, кто оплатил возведение памятника. Сохранившиеся фрагменты надписи определенно указывают нам на молосское происхождение агонофета, но далее, по нашему мнению, идет указание не на какую-либо отдельную народность Эпира (будь то хаоны, феспроты или те же молоссы), а на общий федеративный орган – койнон эпиротов ($κοινὸν τῶν Ἕπειροτῶν$). Политическая элита Эпира – богатые частные лица или сообщества – могла позволить себе расходы на учреждение имперского культа, чтобы воздать почести императору в благодарность за некие неизвестные нам политические благодеяния. Если в тексте надписи

не указывается цель посвящения, то, по справедливому утверждению Д. Пиччинини, установка памятника или статуи в честь царя, императора или кого-либо из его семьи неразрывно связана с идеей «возврата» услуги, которую уже получил или мог бы получить народ или город-государство в ближайшем будущем [18, р. 188]. В любом случае здесь очевидно намерение заручиться поддержкой новой власти. В случае нашего посвящения высший федеральный орган власти – эпиротский койнон хотел угодить новой власти в свете нового порядка, установленного Августом, или же стремился выразить благодарность новой династии. Однако акция должна была принести определенную пользу эпиротам и, безусловно, быть известна центральной власти. И была ли воздвигнута статуя только одной Ливии или же целой династической группы, не столь важно, так как женские члены императорской семьи играли не менее значимую роль в этом обмене пожалований и оказывали определенное, а порой и решающее влияние на принятие решений самим императором [1, р. 73]. Если, с одной стороны, введение статуи и установление имперского культа – продукт деятельности «местных» отдельных личностей и сообществ, то, с другой стороны, одобрение таких действий и, собственно, распространение императорских культов шли из центра, из самого Рима [19, р. 51–52]. Однако воздаяние почестей императору и его семье было бы бесполезно, если бы сам получатель не знал об этом факте. Наличие статуи или скульптурной группы членов императорской семьи в Додоне свидетельствует о ее посещении либо Августом, либо отдельными представителями римской элиты. Кроме того, оно способствовало повышению авторитета самой Додоны в эпоху Августа, что одновременно полностью опровергает мнение о полном запустении и упадке святилища в I веке.

Интересным источником, позволяющим сделать ряд важных предположений и заключений, является надпись на обнаруженном в Додоне железном стригиле (*strigilis* – лат.), относящемся примерно к I в. до н.э. Сама по себе находка стригиля, железного скребка, предназначенного для очищения кожи атлетов от песка и грязи во время спортивных состязаний, косвенно свидетельствует о проведе-

нии здесь спортивных соревнований. Надпись на скребке содержит обращение к святилищу Зевса Naoi и богини Дионы царю Зеникету, в котором гарантируется на вечные времена сохранность его денег и товаров (изделий) и выражается надежда на дальнейшие успехи в его делах [17, р. 122–124]. Зеникет, по всей вероятности, хранил в его сокровищнице свои богатства. Тот факт, что Зеникета называют «царем» и «ксеном», подтверждает гипотезу о том, что он был царем пиратов. Греческая исследовательница С. Дзувара-Сули придерживается иной точки зрения: указывая, что стригиль – типичный инструмент спортсменов, она, соответственно, считает Зеникета атлетом, участником спортивных состязаний [20, р. 519]. Однако такое утверждение нам кажется сомнительным, ибо царь пиратов едва ли выступал бы на играх в качестве обычного атleta.

Некоторый интерес также представляет надпись на мраморной стеле, которая, несмотря на сложности с определением ее датировки, по мнению обнаружившего ее Д. Эвангелидеса, относится все-таки к эпохе римского господства, а точнее к рубежу I веков. Она сильно повреждена, но в ней также упоминается агонофет по имени Лисаний из племени молоссов ([ἀγ]ωνοθέταν τοῦ Λισανίου τῶν δὲ Μο[λοσσῶν]...) [10, р. 252; 4, р. 551]. Замена в тексте надписи молосского простата на агонофета как раз и позволяет нам отнести данную надпись к эпохе римского господства.

Результаты. Таким образом, мы не имеем никаких оснований говорить о каком-либо упадке Додоны в рассматриваемый период. К I в. мы наблюдаем признаки преемственности в деятельности святилища, которые заключались в переходе от ранее широко известной функции прорицания к организации многолюдных праздников и состязаний, о чем свидетельствует перестройка местного театра, который считается одним из самых величественных в Древней Греции. Додона по-прежнему была местом посещения не только обычных граждан, но и высокопоставленных лиц. Речь может идти лишь о смене основного вектора в ее деятельности: если в классический период святилище Зевса славилось своими предсказаниями, то затем оно стало местом проведения различных спортив-

ных и, возможно, иных культурных фестивалей. Имя хозяина святилища – верховного владыки всех греческих богов продолжало звучать, но уже не в связи с процедурой прощения, а в связи с состязаниями, посвященными Зевсу Наои.

REFERENCES

1. Bartman E. *Portraits of Livia: Imaging the Imperial Woman in Augustan Rome*. Cambridge, New York, Cambridge University Press, 1999. 242 p.
2. Bressan M. *Il teatro in Attica e Peloponneso tra eta greca ed eta romana*. Roma, Quasar, 2009. 462 p.
3. Bosman Ph. The Dodona Bronze Revisited. *Acta Classica*, 2016, vol. LIX, pp. 184–192.
4. Cabanes P. *L'Epire de la mort de Pyrrhos à la conquête romaine (272–167 av. J.C.)*. Paris, Les Belles Lettres, 1976. 649 p.
5. Curnow T. *The Oracles of the Ancient World*. London, Bristol Classical Press, 2004. 256 p.
6. Dakaris S. *Dodona*. Athen, Archaeological Receipts Fund, 1996. 48 p.
7. Davies E.A Wholly Non-Aristotelean Universe: The Molossians as the Ethnos, State and Monarchy. Brock R., Hodkinson S., eds. *Alternatives to Athens, Varieties of Political Organization, Community of the Ancient Greece*. Oxford, 2002, pp. 234–236.
8. Dieterle M. *Dodona. Religionsgeschichtliche und historische Untersuchungen zur Entstehung und Entwicklung des Zeus-Heiligtüms*. Heideshalm, Georg Olms Verlag, 2007. 450 S.
9. Eidinow E. *Oracles, Curses and Risk among the Ancient Greeks*. Oxford, Oxford University Press, 2007. 536 p.
10. Evangelides D. Excavation at Dodona. *Epeirotika Chronika*, 1935, iss. 10, pp. 192–260. (In Greek).
11. Fowler M.A. *The Seer in the Ancient World*. Berkley, Los Angeles, University of California Press, 2008. 326 p.
12. Kleitsas X.N. *The Early Dodona (1500–800 B.C.). The Bronze Artefacts*. Ioannina, Ephorate of Antiquities of Ioannina, 2021. 178 p.
13. Lhote E. *Les lamelles oraculaires de Dodona*. Geneve, Librairie Droz, 2006. 454 p.
14. Moustakis N. *Heilegtümer als politischen Zentren. Untersuchungen zu den multidimensionalen Wirkungsgebieten von polisübergreifenden Heiligtümern im antiken Epirus*. München, Herbert Utz Verlag, 2006. 240 S.
15. Nicol D.M. The Oracle of Dodona. *Greece and Rome*, 1958, vol. 5, pp. 128–143.
16. Nora P. *Les lieux de memoire*. Paris, Gallimard, 1997. 1642 p.
17. Parke H.W. *The Oracles of Zeus: Dodona, Olympia, Ammon*. Oxford, Basil Blackwell, 1967. 294 p.
18. Piccinini J. Dodona at the Time of Augustus. Galli M., ed. *Roman Power and Greek Sanctuaries*. Athens, Scuola Archeologica Italiana di Atene, 2013, pp. 177–192.
19. Rose C. The 1998 Post-Bronze Age Excavations at Troia. *Studia Troica*, 1999, vol. 9, pp. 35–71.
20. Tzouvara-Souli C. The Cult of Zeus in Ancient Epirus. Cabanes P., Lambole J.-L., eds. *L'Ilyrie meridionale et l'Epire dans l'antiquité*. Paris, 2004, pp. 515–547.

Information About the Author

Sarkis S. Kazarov, Doctor of Sciences (History), Professor, Department of Archeology and History of the Ancient World, Institute of History and International Relations, Southern Federal University, B. Sadovaya St, 105/42, 344006 Rostov-on-Don, Russian Federation, ser-kazarov@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2292-4787>

Информация об авторе

Саркис Суренович Казаров, доктор исторических наук, профессор кафедры археологии и истории древнего мира, Институт истории и международных отношений, Южный федеральный университет, ул. Б. Садовая, 105/42, 344006 г. Ростов-на-Дону, Российская Федерация, ser-kazarov@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2292-4787>